

Информация для цитирования:

Сагандыков М. С. Поколения прав человека в контексте концепции солидарности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 2(72). С. 215–233. DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-215-233. EDN CCWJLJ

Sagandykov M. S. Pokoleniya prav cheloveka v kontekste kontseptsii solidarnosti [Generations of Human Rights in the Context of the Concept of Solidarity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 2(72). Pp. 215–233. DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-215-233. EDN CCWJLJ (In Russ.)

УДК 342.7

DOI 10.17072/1995-4190-2026-72-215-233

EDN <https://elibrary.ru/ccwjlj>

EDN CCWJLJ

Поколения прав человека в контексте концепции солидарности

М. С. Сагандыков

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)

E-mail: sagandykovms@susu.ru**Статья поступила в редакцию 21.09.2025**

Введение: либеральное восприятие свободы как противоречия ее негативных и позитивных аспектов легло в основу разделения прав человека на поколения. При этом личные и некоторые политические права, с одной стороны, и социально-экономические – с другой разделены не просто на поколения, а на уровни, с точки зрения своей важности для индивидуальной свободы индивида. Конституционно-правовой средой для такой классификации стало противопоставление принципов правового и социального государства. **Цель:** выявить закономерности, которые могли бы позволить утверждать необходимость пересмотра конституционно-правовой концепции поколений прав человека в условиях современного представления о соотношении принципов правового государства и социального государства, сочетания негативной и позитивной свободы и в контексте теории солидарности. **Методы:** применялись общенаучные (анализ, синтез, сравнение, описание, индукция и дедукция) и частнонаучные (историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и метод правового моделирования) методы. **Результаты:** в основе разделения прав человека на поколения лежит подход, согласно которому первое и второе поколение связаны с негативной и позитивной свободой соответственно. Иные критерии для указанной классификации подвергнуты в науке серьезной критике и опровергнуты практикой высших судебных органов. В то же время конституционные новеллы 2020 года фактически устраняют противоречия между правовым и социальным государством, а конституционно провозглашенная солидарность обеспечивает единство негативной и позитивной свободы, их взаимообусловленность. **Выводы:** каждое право человека есть конституционно-правовое выражение индивидуальной свободы, в которой всегда присутствуют негативный (пассивный) и позитивный (активный) компоненты. Разделение права человека на поколения не отвечает современному конституционно-правовому представлению ни о свободе личности, ни о системе прав человека. Каждое из прав человека, включая права первого поколения, является проекцией негативной и позитивной свободы и соответствует категории «достойная жизнь».

Ключевые слова: права человека; поколения прав человека; негативная и позитивная свобода; солидарность; социальное правовое государство; свобода труда; достойная жизнь

© Сагандыков М. С., 2026

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Generations of Human Rights in the Context of the Concept of Solidarity

M. S. Sagandykov

South Ural State University

E-mail: sagandykovms@susu.ru

Received 21 Sep 2025

Introduction: the liberal perception of freedom as a contradiction between its negative and positive aspects formed the basis for dividing human rights into generations. Personal and some political rights, on the one hand, and socio-economic rights, on the other hand, are not divided simply into generations, but into levels in terms of their importance for individual freedom. The constitutional legal framework for such classification is based on the opposition between the principles of the rule-of-law state and the social (welfare) state. **Purpose:** to identify patterns which could allow asserting the need to revise the constitutional legal concept of the generations of human rights in the context of the contemporary view of the relationship between the principles of the "rule-of-law state" and the "social state," negative and positive freedom, and the constitutional theory of solidarity. **Methods:** the study is based on general scientific methods, including analysis, synthesis, comparison, description, induction, and deduction, as well as specific scientific methods, including historical legal, comparative legal, formal legal methods, and legal modeling. **Results:** the division of human rights into generations is based on the approach according to which the first and second generations correspond to negative and positive freedom, respectively. Other criteria for this classification have been seriously criticized in science and refuted by the practice of senior judicial authorities. Nevertheless, constitutional innovations introduced in 2020 essentially eliminate the contradictions between the rule-of-law state and the social state, while the constitutionally proclaimed solidarity ensures the unity of negative and positive freedoms and their interdependence. **Conclusions:** any human right is the constitutional legal expression of individual freedom, which always has a negative (passive) and positive (active) component. The division of human rights into generations does not correspond to the modern constitutional legal concepts of individual freedom and the system of human rights. Each of the human rights, including "first-generation rights," is a projection of negative and positive freedom and corresponds to the category "dignified life."

Keywords: human rights; generations of human rights; negative and positive freedom; solidarity; social legal state; freedom of labor; dignified life

Введение

Феномен свободы рассматривается в социально-философских, общественно-политических и юридических исследованиях в разных аспектах, но в конституционно-правовой парадигме одним из главных проекций этого явления всегда оставалось сочетание в нем индивидуального и коллективного начал, что, в определенном смысле, соответствует двум подходам к пониманию свободы в контексте взаимодействия личности, общества и государства. Поддерживаемой рядом либеральных и неолиберальных течений концепции «негативной» свободы, «свободы от...», понимаемой как свободной от государственной власти возможности поступать по своему усмотрению [10, с. 8; 62], противостоит идея «позитивной» свободы, «свобода для...», которая опирается на способность и возможность человека принести пользу себе и обществу [43, с. 15–16]. Безусловно, и негативная, и позитивная свобода – это индивидуальная свобода. Вместе с тем многие исследователи отмечают, что «в то время как

негативная свобода обычно связывается с отдельным субъектом, позитивная свобода иногда приписывается коллективам или отдельным людям, являющимся, в первую очередь, членами определённых коллективов» [57].

Позитивное наполнение свободы одни либералы считают допустимым и даже необходимым, другие, например Л. Мизес, Ф. Хайек, связывают с социалистическим подходом к построению общества и государства, видят в этом угрозу либеральным свободам [60], поскольку стремление к равенству и справедливости, по их мнению, не оправдывает вмешательство государства в экономику и ограничение свободы выбора [58, р. 310; 47, с. 255; 27, с. 2]. В социализме условием свободы личности является социализация человека, включение его в коллектив, где он и «ассоциированные производители» контролируют обмен «веществ с природой» посредством неотчуждаемого свободного труда [32, с. 722]. Так, Н. Бердяев критикует марксизм за тенденцию отчуждения человека в коллектив, создание религии авторитарного

коллективизма, ведущего к отрицанию свободы и рабству [9, с. 111]. В то же время многие авторы, мыслители прошлых лет и наши современники (Л. Дюги, М. Фуко, Г. П. Щедровицкий), со скепсисом относятся к возможности наделения человека качеством субъекта свободы в отрыве от общества [11, с. 88–90].

Проблема соотношения негативной и позитивной свободы и выстраиваемая на ее основе концепция прав человека приобретает особую актуальность сегодня, после внесения поправок в Конституцию Российской Федерации (далее – Конституция РФ; Конституция) в 2020 году, в частности, дополнение статьи 75 частями 5–7 и введение в действие новой статьи 75.1. Указанные новеллы уже отразились на практике Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) и требуют научного осмысления в рамках указанных выше вопросов. Целью исследования является попытка определить современную конституционно-правовую концепцию прав человека в контексте соотношения ряда категорий: индивидуализм и коллективизм, правовое и социальное государство, негативная и позитивная свобода, негативные и позитивные права человека, права первого и второго поколений. Считаем, что обозначенная цель не может быть достигнута без выявления роли солидарности в формировании системы конституционных прав и свобод человека.

«Поколения» прав человека в контексте соотношения «правового» и «социального» государства

В конституционных актах советского периода, в известной степени реализовавших социалистические идеи, свобода выражена в форме свободы от капитала и от эксплуатации, чему способствует запрет частной собственности, огосударствление экономики и диктатура пролетариата¹. В советском социализме политика превалировала над правом [8, с. 7–8]², права и свободы исходили от государства, потому именно с ним связано правовое положение личности [14, с. 99]. Обладание и индивидуальными правами и свободами, в том числе гражданскими и политическими, возможность их реализации ставились в зависимость от принадлежности конкретным социальным группам и той роли, которую в ней играл индивид. Вполне можно говорить о том, что в этот период человек, как носитель свободы, потерял свою субъектность, индивидуальная свобода была полностью замещена свободой коллективной. Права человека, по существу, были заменены на права социальных групп, что вызывало наибольшие опасения в западной либеральной среде [59, р. 103]. Кроме

того, патернализм, свойственный советскому периоду, по существу, трансформировал благородную в целом идею «коллективизма» в практику «этатизма», не предполагающего равного диалога государства с обществом, не говоря уже об отдельной личности.

В то же время выраженный в индивидуальной свободе идеал либерализма претерпевает изменение под давлением идеи всеобщего блага, благосостояния народа и справедливости [42, с. 80], нашедших отражение в конституционных актах³, благодаря концепции правового социального государства, выразившейся, помимо прочего, в расширении круга признаваемых государством прав и свобод человека [1, с. 77], прежде всего социально-экономической направленности [36, с. 30]. Также во многих конституциях (ст. 198 Конституции Испании, ст. 5 Конституции Бразилии, ст. 24 Конституции Чили) определяется роль собственности в обществе, ее социальное назначение и бремя собственника [26, с. 216; 51, с. 17].

Вместе с тем в конституционно-правовом смысле противоречия между индивидуализмом и коллективизмом остались, что, в известной степени, нашло отражение и в системе прав человека, в конституционном выражении прав второго поколения.

Считается, что многие социально-экономические права (на труд, на социальное обеспечение, на медицинскую помощь и некоторые другие), права второго поколения, в конституциях большинства стран относятся скорее к принципам государственной социальной политики, не снабженным возможностью судебной защиты, а не к гарантированным государством субъективным правам, что вытекает из буквального текста конституций, находит подтверждение в практике органов конституционного контроля соответствующих государств [30, с. 67–76; 41, с. 45–51]. Социальные права, права второго поколения, рассматриваются некоторыми авторами как государственные услуги, привилегии от государства [29, с. 57] либо в качестве обременения государства ответственностью за материальное благополучие граждан [44, с. 102; 45, с. 75], в роли «объективных обязанностей государства» [15, с. 556]. Более того, некоторые социальные права преподносятся как ограничители гражданской свободы, конституционных основ [5, с. 76]. Позднее будет дана оценка указанным характеристикам социальных прав.

Возможно, некоторая недооценка значения прав второго поколения кроется в противопоставлении принципов правового и социального государства. В либеральной идеологии отношение к социальному государству в целом отрицательное [48]. В отечественной научной литературе мнение о соотношении правового и социального государства неоднозначное.

¹ См., например: Ст. 3 Конституции (Основного закона) РСФСР (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. (прекратила действие) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² О противопоставлении социального государства социалистическому писал также В. Е. Чиркин [50, с. 4].

³ Наиболее целостно выражено в ст. 45 Конституции Ирландии 1937 г., где говорится о разумном и справедливом распределении материальных ресурсов между лицами и различными классами, о поддержке частной инициативы, о невозможности злоупотребления трудовыми ресурсами, о запрете эксплуатации населения, о социальной ответственности предпринимательства и т. д.

Многие авторы считают, что социальное государство трудно совместимо с государством правовым, с его принципами, особенно с экономической свободой личности [19, с. 12]. Так, Э. Р. Чернова небезосновательно утверждает, что правовое и социальное государство – это «различные по своей сущности и содержанию социальные феномены» [49, с. 285]. По мнению автора, усилия государства по обеспечению социальной справедливости могут противоречить конституционному праву частной собственности [49, с. 284]. Другими словами, социальное государство, считает ученый, отходит от государства правового [49, с. 282]. Интересную характеристику социальному государству в его сочетании с правовым государством предлагает В. А. Четвернин. По его мнению, «правовое» и «либеральное» государство следует рассматривать как синонимы, а потому «социальное правовое государство» не является разновидностью правового государства, существующей наряду с «либеральным правовым государством», а считается «отклонением от правовой (либеральной) государственности, ограничением либеральной природы правового государства, характерным для постиндустриального общества» [29, с. 55]. В. С. Нерсисянц, считая социальное государство стадией развития правового государства, отмечает трудности в определении пределов его социальной функции, вызванные опасениями «грубого вмешательства в экономику, подавлением инициативы и свободы предпринимательства». Баланс между социально ориентированной экономикой и экономической свободой труднодостижим [40, с. 705]. Последние два утверждения Э. Р. Черновой и позиция В. С. Нерсисянца, на наш взгляд, содержат основания для дискуссии.

В то же время большинство исследователей признает, что с позиции сегодняшнего дня, несмотря на наличие противоречий между правовым и социальным государством, второе необходимо современному обществу [31]. А. С. Шабуров отмечает единство «социального» и «правового» в характеристике государства, формирующее представление о современном государстве как о «социально-правовом» [53, с. 7]. «Обоюдными сторонами» современного государства считает правовое и социальное государства И. В. Тепляшин [44, с. 101]. Вместе с тем единство названных характеристик государства, по мнению указанных авторов, не отменяет их противоречие [44, с. 102; 53, с. 7; 29, с. 55].

Продвигаемая иерархичность принципов правового и социального государства, некая вторичность последнего определяют и подходы к системе прав человека, а именно то, что, несмотря на свою значимость, права второго поколения, прежде всего социальные, ограничивают права первого поколения, поскольку «покушаются» на индивидуальную свободу. По мнению Н. В. Варламовой, права первого поколения считаются первичными, а права последующих поколений «призваны их обеспечивать» [16, с. 162].

С одной стороны, практически все авторы едины в том, что появление социальных прав – это

«неизбежность» [29, с. 55–57], а сами они становятся еще одними приоритетами развития государства [39, с. 21]. С другой стороны, столкновение концепций негативной и позитивной свободы не исчезло, а значит, идеологическое и юридическое противопоставление прав первого и второго поколений осталось.

Критерии для разделения прав человека на поколения

В юридической литературе отношение к разделению прав и свобод человека на поколения сложное и неоднозначное. Так, К. В. Арановский, С. Д. Князев, Е. Б. Хохлов справедливо отмечают, что время появления тех или иных прав, с которым связывают их отнесение к тому или иному поколению, нельзя назвать главным критерием данной классификации [5, с. 65]. Действительно, в первой Конституции, принятой в США, точнее, в Билле о правах, ратифицированном в 1791 году, социальные права не названы. Они известны большинству Конституций, принятых в начале XX века, например, Конституциям Мексики 1917 года, РСФСР 1918 года, Веймарской республики 1919 года и др.

Однако если брать за основу международное признание тех или иных прав, то социальные и трудовые права, традиционно относящиеся к правам второго поколения, были задекларированы раньше личных и политических. Они были закреплены в актах Международной организации труда еще в начале XX века, тогда как гражданские и политические права – лишь в 1948 году, с принятием Всеобщей декларации прав человека [61, р. 5–6].

К. В. Арановский, С. Д. Князев, Е. Б. Хохлов считают, что многие социальные права, такие как защита от принудительного труда, право на вознаграждение за труд и другие, известны так давно, что вряд ли могут быть отнесены ко второму поколению по причине их появления позднее каких-либо гражданских прав [5, с. 68]. Формальное декларирование прав далеко не всегда совпадает с фактом их реального признания государством. Например, меры публичной помощи нуждающимся были известны еще на Древнем Востоке и в Древнем Риме, к идеям пенсионного страхования обращались мыслители XVIII в. [4, с. 7–8], а первые страховые пенсионные фонды формируются в Пруссии с 1825 г. [24, с. 95].

Вместе с тем К. В. Арановский, С. Д. Князев, Е. Б. Хохлов отмечают, что имеет значение фактическое признание тех или иных прав с позиции последовательного освобождения человека от государства. Не может человек познать социальные и некоторые политические права, пока наиболее «простые» права, например права на собственность, личную неприкосновенность, не станут общепризнанными, всем понятными и для всех обязательными. Авторы называют данное явление «естественной очередностью», распределяющей права на поколения [5, с. 66]. Считаем представленную позицию дискуссионной. Так,

то, что для авторов статьи считается очевидным, расходится с представлениями об «очередности» свободы И. Берлина. Он отмечает, что «предоставлять политические права или гарантию от вмешательства государства полуголым, неграмотным, полуголодным и больным людям есть насмешка над их положением; они нуждаются в медицинской помощи и образовании, прежде чем смогут понять, что такое расширение свободы, или воспользоваться им» [10, с. 240]. Какие права, какая свобода первична – личная или социально-экономическая – вопрос спорный [61, р. 14].

В то же время кто бы ни отстаивал идею негативной свободы, все говорят о некоей области абсолютной свободы, где вмешательство государства отсутствует полностью. Эта область может быть больше или меньше, но она обязательно присутствует и ограничена законом [10, с. 239–240]. Очевидно, что именно с таким пониманием свободы связывается появление прав первого поколения. Соответственно, позитивная свобода, отражающая целеустремленность человека к самореализации, к самоконтролю, объективно выражается в правах второго поколения.

В научной литературе часто права первого и второго поколений отождествляются с правами негативными и позитивными соответственно [1, с. 76–77]. Собственно об этом же говорит и К. Васак, предложивший обсуждаемую классификацию прав человека [63, р. 29]. Не все авторы с этим согласны. По мнению Н. В. Варламовой, права первого поколения могут быть как негативными, так и позитивными. В свою очередь, права второго поколения – только позитивные. При этом разница в позитивных правах, относящихся к первому и второму поколению, состоит в характере государственных обязательств. Позитивные права первого поколения предполагают действия государства по предоставлению судебной и полицейской защиты, а права второго поколения сопряжены с активной, прежде всего перераспределительной, ролью государства, связанной с предоставлением гражданам (всем или наиболее уязвимым категориям лиц) социальных услуг [17, с. 17–19]. Автор не соглашается с П. Макклемом, который находит в правах второго поколения негативные обязательства государства [17, с. 19]. Но дело в том, что П. Макклем и права первого поколения не разделяет на негативные и позитивные, приводя в пример право частной собственности, которое требует от государства огромных усилий по его защите [61, р. 11]. Считаем, что, несмотря на, казалось бы, существенные различия, две

представленные точки зрения не далеки друг от друга по содержанию, особенно касательно прав первого поколения. Признают ли авторы наличие позитивных обязательств в каждом из прав первого поколения или заявляют о существовании негативных и позитивных прав – так или иначе смысл заключается в том, что позитивное содержание прав первого поколения не выходит за пределы обеспечения защиты граждан от вмешательства государства и иных лиц. Получается, что права первого поколения полностью соответствуют концепции негативной свободы в том смысле, что не предполагают такого участия государства, которое способствовало бы «самоосуществлению», «самоорганизации», «самореализации», «контролю над своими действиями», обеспечивая лишь защиту от чьего бы то ни было вмешательства. Так ли это?

Право человека на жизнь, важнейшее из прав первого поколения, по-прежнему сопряжено с недопустимостью смертной казни. Однако она есть во многих странах, что не мешает им говорить о всемерной защите этого права. В решениях Конституционного Суда РФ мы видим, что сегодня право на жизнь, как и право на достоинство личности и его защиту государством, обусловлено в том числе правом граждан на обеспечение лекарственными средствами¹, правом на медицинскую помощь², правом на жилище³ и другими правами, которые традиционно относятся к правам второго поколения, причем в самом классическом либеральном их восприятии (помощь, социальные услуги).

Право на свободу и личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22 Конституции) рассматривается Конституционным Судом прежде всего в уголовно-процессуальной плоскости. Неслучайно часть 2 статьи 22 Конституции говорит о недопустимости незаконных арестов и других уголовно-процессуальных мер. Однако в юридической науке право на свободу и личную неприкосновенность сегодня понимается широко, включает ряд правомочий, в том числе право на охрану здоровья, жилища и др. [34, с. 138].

Ранее уже было сказано, что во многих научных работах социальные права преподносятся как ограничители права частной собственности, предпринимательских, экономических свобод. Безусловно, если социальные права рассматривать как результат перераспределения материальных благ, то эта точка зрения должна быть поддержана. Например, трудовые права граждан, особенно связанные с оплатой труда и другими выплатами, компенсациями, обеспечиваются

¹ По делу о проверке конституционности пункта 10 части 1 статьи 16 и части 9 статьи 83 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с запросом Государственного Совета Республики Татарстан: Постановление Конституционного Суда РФ от 26 сент. 2024 г. № 41-П // Собр. законодательства Российской Федерации. 2024. № 40. Ст. 6055.

² По делу о проверке конституционности пунктов 11 и 12 части 1 статьи 79 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Ф.: Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июля 2022 г. № 31-П // Там же. 2022. № 30. Ст. 5691.

³ По делу о проверке конституционности положений ст. 13 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», п. 3 и 5 ст. 7, п. 1 ч. 1 и ч. 2 ст. 8 Закона города Москвы «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения» в связи с жалобами граждан А. Л. Мейсснер, Е. С. Михайловой и Е. Б. Шашевой: Постановление Конституционного Суда РФ от 10 дек. 2019 г. № 39-П // Там же. 2019. № 51 (ч. 2). Ст. 7760.

за счет работодателя, собственника. Он же расходует средства на создание безопасных условий труда, на наполнение страховых фондов для выплаты пенсий и пособий. Но ведь работодатель несет все эти расходы не в качестве благотворительности, а в своих же интересах. Он платит работнику (напрямую, через заработную плату, или косвенно, обеспечивая за счет налогов и страховых взносов медицинскую помощь, пособия, пенсии) за то, что последний своим трудом приносит ему доход, прибыль. Вся история человечества доказала, что уровень свободы и гарантий работников прямо влияет на производительность труда и, соответственно, доходы лиц, этот труд использующих. Сегодня самый высокий уровень зарплат и других выплат, материальных льгот работникам в компаниях, имеющих наибольшие прибыли. В этом смысле интерес в использовании наемного труда обоюдный – и у собственника, и у работника.

Другими словами, социальные права одних людей (на труд, на социальное обеспечение, на медицинскую помощь, на образование) лишь усиливают экономическую свободу других, создают для собственника дополнительные возможности.

Н. В. Варламова отмечает, что социальные права есть требования, обращенные не к государству, а к обществу, поскольку благодаря «горизонтальному действию» многие издержки переводятся на самих граждан [18, с. 529]. В качестве примера приводятся трудовые отношения, где льготы для уязвимых категорий работников, например беременных женщин, перекладываются работодателем на других работников [18, с. 530]. Во-первых, сказанное должно означать, что работодатель не несет никаких материальных издержек в трудовых отношениях, поскольку, следуя логике, и все другие затраты (например, перечисления в страховые фонды) перекладываются на работников, а значит, право частной собственности и свобода экономической деятельности работодателя не ограничиваются вовсе. Во-вторых, какие права других работников ограничиваются? В первую очередь право на справедливую заработную плату, то есть право, относящееся ко второму поколению. Об ограничении каких-либо прав первого поколения, в том числе права собственности, говорить не приходится, поскольку не начисленная работнику заработная плата формально его собственностью не является.

Мы склонны согласиться с П. Макклемом в том, что негативный элемент в правах второго поколения присутствует и играет роль такую же, как и в правах первого поколения. Многие социальные, экономические права и свободы, права в сфере культуры и творчества предполагают помимо активного государственного участия еще и запреты от неправомерного вмешательства в процесс выбора субъектами прав вариантов поведения, как со стороны самого государства, так и третьих лиц. Примеров можно

привести множество: запрет произвольного лишения гражданина жилища, запрет принудительного труда, запрет принуждения ко вступлению в объединения, в том числе в профсоюз, и наконец, положение части 2 статьи 55 Конституции, запрещающее издавать законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. Последняя норма в равной степени относится ко всем правам и свободам, а не только к правам первого поколения.

Считаем, что более важным фактом, чем признание наличия негативных аспектов в правах второго поколения, является то обстоятельство, что реализация личных прав есть необходимое условие для осуществления многих других прав и свобод, в том числе социально-экономического характера. Так, свобода труда заключается не только в праве гражданина выбирать род деятельности и профессию, но и в обеспечении достойных условий труда [33, с. 4–5], включающих охрану достоинства личности, защиту личной и семейной тайны, запрет принудительного труда и дискриминации. Одним из принципов охраны здоровья граждан является сохранение врачебной тайны (п. 9. ст. 4 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»)¹, соответственно, конституционное право гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь обеспечивается, помимо прочего, частью 1 статьи 23 Конституции, а именно правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Право граждан на благоприятную окружающую среду обеспечивается в том числе правом на достоверную информацию о ее состоянии (ст. 42 Конституции), что непосредственно связано с реализацией положений статьи 29 Конституции о свободе слова, о праве свободно искать и получать информацию.

Можно дать еще одно объяснение существованию поколений прав. Права первого поколения – это естественные неотчуждаемые права человека, тогда как остальные – права приобретенные, являющиеся, по выражению Е. И. Колюшина, «объектами борьбы за их реализацию» [28, с. 13]. В целом с этим утверждением спорить сложно. Вместе с тем некоторые замечания по данному тезису имеются.

Первое – права, которые традиционно называются естественными, также были объектами борьбы – за их признание, что и нашло отражение в первых буржуазных конституционных актах США и стран Европы.

Второе замечание касается понимания естественных прав человека. Действительно, сердцем естественного права является свободная воля человека, определяющая его естественное состояние и служащая «мерилом» законодательства [38, с. 39]. Соответственно, права первого поколения являются естественными, неотчуждаемыми, тогда как права второго поколения ситуативны, нестабильны [15, с. 555]. Права первого поколения соответствуют

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

категории свободы, тогда как права второго поколения способствуют фактическому равенству и отражают другую категорию – достойный уровень жизни [15, с. 553–554]. Все эти утверждения справедливы, но только при условии, что права первого поколения соответствуют негативной свободе, а права второго поколения – позитивной. Наверное, исторически, в тот момент, когда теория поколений прав человека приобрела общее признание, это заключение было справедливым. Сегодня, считаем, имеются основания говорить, что разделение прав первого и второго поколений по их соответствию негативной и позитивной свободам не выглядит столь однозначным.

По утверждению И. Берлина, две концепции свободы настолько противоположны, что в современном обществе трудносочетаемы [10, с. 249]. Отсюда и напрашивается, казалось бы, очевидный вывод, что права первого и второго поколений, отражающие два качества свободы, противостоят друг с другом – одни права ограничивают другие. Выше уже были приведены примеры взаимного проникновения прав человека, когда личные права становятся условиями для реализации социальных, и наоборот. Права усиливают дугу друга, тем самым взаимно влияют на качество негативной и позитивной свободы. Таким образом, можно предположить не только сочетание негативной и позитивной свободы, но и их взаимообусловленность, одновременную нужность человеку и, главное, его индивидуальной свободе.

В. Е. Чиркин не без оснований полагает, что в условиях современного развития общества и государства многие различия между естественными правами, свойственными индивидууму, и позитивными правами, которыми гражданин обладает как член общества, исчезают [52, с. 7–11]. Некоторые авторы, например В. В. Невинский, справедливо утверждают, что «с середины XX в. доктринально обосновывается и конституционно закрепляется расширение перечня естественных прав человека за счет отнесения к ним некоторых политических и социально-экономических прав и свобод» [36, с. 30]. В подтверждение своих слов автор приводит мнение В. Д. Зорькина, который приравнивает социальные права к гражданским и политическим, относит их к фундаментальным и неотчуждаемым [25, с. 274]¹. Нельзя не согласиться с Н. С. Бондарем в том, что в социальном правовом государстве социальные права – инструмент обеспечения достойной жизни и свободного развития человека. Известный ученый считает, что такой подход

уравнивает по ценности социальные права с гражданскими и политическими [12, с. 219].

В то же время Н. В. Варламова отмечает, что социальные права вряд ли стоит причислять к естественным и неотчуждаемым по причине того, что их реализация зависит от экономических возможностей государства. Автор указывает на невозможность считать социальные права «однопорядковыми» и «равнозначными» правам первого поколения [18, с. 594]. Тезис о зависимости реализации социальных прав от экономических возможностей государства отрицать невозможно. Но разве реализация гражданских и политических прав сегодня не требует огромных материальных затрат?² Очевидно, что уменьшение финансирования, например, правоохранительных органов с неизбежностью скажется на гарантиях многих личных прав, и, как и в случае с социальными правами, Конституция такие изменения предотвратить не в состоянии.

Еще одним аргументом для разделения прав человека на поколения, как ранее уже было сказано, является конституционный статус прав и соответствующая ему возможность их судебной защиты. В юридической литературе не раз высказывались суждения, смысл которых состоит в невозможности судебной защиты социальных конституционных прав по причине того, что они играют роль принципов, а не субъективных прав человека [41, с. 47]. Соответственно, судебная защита возможна в отношении не этих конституционных положений, а лишь их отражений в текущем законодательстве, так называемых «вторичных субъективных прав» [18, с. 595].

На наш взгляд, подобные рассуждения являются дискуссионными. Социальные права могут отличаться и по характеру, и по возможности судебной защиты. Так, право свободно выбирать род деятельности и профессию (ч. 1 ст. 37 Конституции) обеспечивается в судебном порядке, подтверждением чему являются многочисленные примеры практики как Конституционного Суда³, так и судов общей юрисдикции⁴. Точно так же посредством судебной защиты гарантированы некоторые конституционные права, наполняющие содержание свободы труда, в частности, право на безопасные условия труда (ч. 3 ст. 37 Конституции), право на отдых, обеспечение которых в судебной практике расценивается как необходимое условие для соблюдения конституционных положений о запрете принудительного труда и о свободе труда⁵.

¹ В работе В. В. Невинского [36, с. 30].

² Только на выборы Президента РФ в 2024 году было выделено более 33 млрд руб. См.: В ЦИК назвали сумму, выделенную на проведение выборов президента России. URL: <https://ria.ru/20231213/tsik-1915508360.html>.

³ См., например: По делу о проверке конституционности абзаца восьмого части второй статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. А. Сельковой: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 дек. 2023 г. № 59-П // Собр. законодательства Российской Федерации. 2024. № 1 (ч. 4). Ст. 380.

⁴ См., например: Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 1 нояб. 2017 г. по делу № 33-7580/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сазонова Владимира Григорьевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 124, 142 и 234 Трудового кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 2 марта 2006 г. № 60-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 4.

Необходимо согласиться с мнением Н. В. Варламовой в том, что Конституционный Суд не раз использовал отсылку к правам первого поколения, прежде всего к праву на достоинство личности (ч. 1 ст. 21 Конституции), для обоснования возможности защиты социальных прав [18, с. 600]. Во-первых, на наш взгляд, указанное говорит о взаимосвязи прав первого поколения и социальных прав, а не о какой-то неполноценности последних. Во-вторых, можно привести много примеров решений Конституционного Суда, в которых отсылки к личным правам при защите социальных прав нет¹. Таких решений стало больше после появления в Конституции новых положений – статьи 67.1, частей 5–7 статьи 75, статьи 75.1.

Некоторые поправки, по верному утверждению А. А. Опалевой, выполнили функцию гарантий для прав и свобод, провозглашенных в главе 2 Конституции, в которую изменения, как известно, не вносились [37, с. 199]. Так, с поправками 2020 года гарантия того, что минимальный размер оплаты труда не сможет опускаться ниже прожиточного минимума трудоспособного населения, приобрела конституционный характер. Можно утверждать, что указанная новелла изменила природу соответствующего положения части 3 статьи 37 Конституции РФ. Указанная норма с появлением в статье 75 Конституции части 5 приобрела дополнительное значение субъективного права. Благодаря положениям частей 6 и 7 статьи 75 статус реальных субъективных конституционных прав получили права на пенсионное обеспечение, обязательное социальное страхование, адресную социальную поддержку, социальные пособия и иные

социальные выплаты – фактически весь спектр социальных прав.

Безусловно, можно говорить о том, что Конституция не гарантирует постоянность содержания некоторых социальных прав, прежде всего связанных с социальным обеспечением.

Однако Конституционный Суд еще 20 лет назад в ряде своих решений сформулировал несколько правовых позиций, основанных на Конституции, российских законах и международно-правовых соглашениях России и выраженных в следующих обязательствах государства: невозможность отмены установленных ранее мер пенсионного и социального обеспечения без равноценной замены; стремление к повышению уровня пенсионного и социального обеспечения; предсказуемость социальной политики; необходимость поддержания достойного уровня жизни граждан; конкретные материальные параметры, как правило, связанные с прожиточным минимумом². Другими словами, государство не может отказаться от обеспечения реализации социальных прав, причем в достаточно конкретных параметрах. В этом смысле права второго поколения не отличаются от прав первого поколения, содержание которых под воздействием определенных обстоятельств также может быть ограничено законом, что Конституционным Судом не раз признавалось правомерным³.

Считается, что для реализации социальных прав необходимы не только финансовые возможности государства, но и «общественно-политический консенсус» [13, с. 329], другими словами, стремление к

¹ См., например: По делу о проверке конституционности части первой статьи 58 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», а также подпункта 1 пункта 1 статьи 21 и подпункта 2 пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина П. М. Понеделькова: Постановление Конституционного Суда РФ от 7 апр. 2022 г. № 14-П // Собр. законодательства Российской Федерации. 2022. № 16. Ст. 2782; По делу о проверке конституционности абзаца пятого части первой статьи 21, абзаца седьмого части второй статьи 22, части четвертой статьи 60.2, части третьей статьи 93, статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133.1, а также частей первой и второй статьи 135 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Неверова: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 марта 2025 г. № 10-П // Там же. 2025. № 11. Ст. 1198; По делу о проверке конституционности частей второй и третьей статьи 318 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Сергеева: Постановление Конституционного Суда РФ от 22 нояб. 2024 г. № 54-П // Там же. 2024. № 49 (ч. 5). Ст. 7719; По делу о проверке конституционности статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. Н. Харюшевой: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сент. 2024 г. № 40-П // Там же. 2024. № 40. Ст. 6054.

² См.: По жалобе гражданки Енборисовой Прасковьи Федоровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 8 статьи 14 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 15 февр. 2005 г. № 17-О // Собр. законодательства Российской Федерации. 2005. № 16. Ст. 1479; По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 30 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы, а также Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), Думы Чукотского автономного округа и жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 янв. 2004 г. № 2-П // Там же. 2004. № 6. Ст. 450.

³ См., например, решения, подтверждающие конституционность ограничения свободы слова: По делу о проверке конституционности статьи 19.1 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» в связи с жалобой гражданина Е. Г. Финкельштейна: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 янв. 2019 г. № 4-П // Собр. законодательства Российской Федерации. 2019. № 4. Ст. 359; По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 20.1 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л. Н. Кондратьевой и А. Н. Мумолина: Постановление Конституционного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 14-П // Там же. 2011. № 28. Ст. 4261.

удовлетворению не только индивидуальных, но и коллективных, общественных и государственных, интересов, к достижению общих целей свободного развития всех социальных групп и индивидов. Вместе с тем наш анализ показывает, что «общественно-политический» консенсус необходим и для многих прав, считающихся правами первого поколения. Во-первых, их структура в известной степени наполняется позитивным содержанием социальных прав. Во-вторых, граница негативной свободы, определяемая, как считается, правами первого поколения, очерчивается не произвольно, а исходя из сложившихся в обществе представлений об индивидуальной свободе, ее сочетания с коллективными (общими) интересами и, в определенном смысле, компромисса между ними. В нашем понимании, это не компромисс, а солидарность.

**Солидарность – среда для формирования
социального правового государства
и сближения поколений прав человека**

Теория социального государства тесно связана с идеями общественной солидарности, в основе которой лежит взаимная ответственность государства и личности [8, с. 5–6]. Солидарность – это социальный порядок, основанный на единстве индивидуальных и коллективных интересов. В конституционно-правовой плоскости солидарность, получившая в 2020 году конституционное закрепление (ст. 75.1), не только дополняет содержание социального государства, но и выражает его единство с государством правовым, принципы которого обеспечивают «внеправовую» [31] (выходящую за пределы действия права) полезную деятельность государства. М. А. Муртузалиева на примере развития Германии, где впервые на конституционном уровне в 1949 году государство названо «социальным», причем в паре с другой характеристикой – «демократическое», показывает необходимость преодоления противостояния идеям правового равенства и свободы существующих проблем социального неравенства, социальной незащищенности отдельных групп населения, что не может быть решено, по утверждению исследователя, с помощью лишь права [35, с. 174]. Правовое государство не регулирует вопросы социальной направленности. В то же время их решение в правовом поле обеспечивает придание социальных качеств государству правовыми методами, что способствует установлению режима «социально-правового» государства [35, с. 173].

Конституционная солидарность, на наш взгляд, становится средой, в которую интегрируются принципы правового и социального государства, что позволяет не ограничивать индивидуальную свободу, а обогатить ее дополнительным позитивным содержанием.

Теория солидарности строится на нескольких важных принципах: совместное участие, социальная ответственность, общность взглядов, интересов и т. д. [20, с. 108], взаимная ответственность личности и государства, на что указывают, в частности, Л. Дюги и Э. Гидденс [8, с. 5–6]. Б. С. Эбзеев убедительно доказывает, что истинная солидарность возможна при установлении баланса индивидуальных и коллективных интересов в концепции прав человека, а также в его взаимоотношении с обществом и государством [55, с. 16]. В политико-идеологическом ракурсе солидарность называют альтернативой либерализму и социализму [20, с. 106], ее предназначение – преодоление крайностей либерализма и этатизма [55, с. 16].

Конституционный Суд в опубликованном в ноябре 2023 года материале¹ называет солидарность сложным концептуальным явлением, рассматриваемым как ценность и принцип и имеющим, как сказано в статье 75.1 Конституции, несколько проявлений – политическое, экономическое и социальное. Конституционный Суд подтверждает, что, несмотря на нормативное закрепление солидарности в Конституции лишь в 2020 году, эта категория «субстанционально была изначально включена в систему конституционного регулирования», о чем в первую очередь свидетельствует ряд положений конституционной Преамбулы.

Вместе с тем подход Конституционного Суда к содержанию понятия солидарности, представляется, не раскрывает всю его глубину. Конституционный Суд в определенном смысле стал «заложником» своих позиций, ранее высказанных в многочисленных решениях, а сегодня транслируемых в контексте солидарности. Достаточно привести ряд решений, касающихся сферы использования наемного труда. Многие из них построены на необходимости ограничения либо хозяйственных прав и интересов работодателей, либо трудовых прав и интересов работников, что соответствует понятию «баланс прав и интересов работников и работодателей»². По существу, конституционная солидарность в таком ракурсе сводится к легализации указанного конституционного принципа, лежащего в основе большинства решений Конституционного Суда, не только в сфере трудовых отношений, но и во всех других предметных областях.

¹ Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов): Информация Конституционного Суда РФ. Одобрена решением Конституционного Суда РФ от 14 нояб. 2023 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (далее – Информация Конституционного Суда РФ от 14.11.2023).

² См., например: По делу о проверке конституционности положения части восьмой статьи 325 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. Г. Труновой: Постановление Конституционного Суда РФ от 9 февр. 2012 г. № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 2; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Елисеева Владимира Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 134 Трудового кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. № 1707-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Однако баланс индивидуальных и коллективных интересов в правах человека как суть солидарности не означает, что солидарность отождествляется с балансом прав и обязанностей субъектов. Конституционное и отраслевое наполнение и реализация всех прав и обязанностей подчиняется требованию сочетания свободы личности и коллективных интересов [56, с. 988] – вот природа истинной солидарности, а баланс частных и публичных интересов, прав отдельных субъектов и интересов государства является лишь одним из ее элементов.

Несмотря на то что Конституционный Суд ориентирован на полноценное восприятие и использование понятия солидарности, он, по существу, лишен такой возможности. Конституционный Суд формулирует ценности, эксплицитно выраженные в Конституции, толкуя конституционные нормы, выявляя их дух и социальную ценность. Однако орган конституционного контроля не может подменять собой законодателя, особенно когда им является непосредственно народ. Провозглашенная в Конституции солидарность не опосредована более конкретными конституционными положениями. В частности, сбалансированность прав и обязанностей гражданина должна быть дополнена сбалансированностью прав и обязанностей государства и личности¹. Взаимное доверие должно строиться по формуле «личность – общество – государство». А главное – и это не решить одной статьей Конституции – не выстроена концепция взаимодействия личности, общества и государства с четким распределением их взаимных прав и обязанностей, прежде всего в социально-экономической плоскости. В связи с этим и возникает проблема противопоставления правового и социального государства, свободы экономической деятельности и свободы труда.

Косвенно указанные недостатки текста Конституции видны в некоторых решениях Конституционного Суда. Так, в одном из них утверждается, что «принятие новой статьи 75.1 Конституции РФ имело целью создание таких условий правового регулирования, которые бы позволяли достичь оптимального соотношения индивидуальной свободы и общественной солидарности»². Вместе с тем индивидуальная свобода не противостоит солидарности, а является ее главным компонентом.

В недавней практике Конституционного Суда, по нашему мнению, есть примеры, иллюстрирующие отстаиваемый нами подход к осмыслению понятия «солидарность». Появление этих примеров в плоскости взаимоотношений в социально-экономической сфере во многом вызвано конституционными новеллами, закрепленными в части 5 статьи 75 и статье 75.1 Конституции, притом что в более ранних решениях Конституционного Суда подвергнутые проверке законодательные нормы сомнений в их конституционности не вызывали. Достаточно привести Постановление Конституционного Суда от 15 июля 2022 г. о сроке трудового договора преподавателя вуза³. Ранее орган конституционного контроля не видел каких-либо несоответствий правил о заключении с преподавателями краткосрочных трудовых договоров Конституции, например, на 10 месяцев (ч. 2, 8, 9 ст. 332 Трудового кодекса РФ)⁴. Теперь же, опираясь на усиленный положениями об уважении труда и человека труда (ч. 5 ст. 75 и ст. 75.1) принцип свободы труда (ч. 1 ст. 37), Конституционный Суд аргументирует невозможность необоснованного заключения трудового договора с преподавателем вуза на срок менее 3 лет необходимостью обеспечения достойной жизни и свободного развития человека, то есть принципом социального государства (ч. 1 ст. 7). Приведенная Конституционным Судом аргументация основывалась не на необходимости ограничения тех или иных конституционных прав, как это обычно бывает в случаях, когда Конституционный Суд хочет обосновать конституционность какой-либо особенности регулирования труда отдельных категорий работников⁵, а, напротив, на стремлении объединить разные конституционные ценности общей социальной целью, общим благом для всех заинтересованных лиц: работодателя в лице образовательного учреждения, работника, обучающихся и государства, которое стремится обеспечить возможность получения гражданами высшего образования с целью формирования кадрового потенциала страны. Образовательная функция учебного заведения сочетается с необходимостью обеспечения достойной и стабильной занятости преподавателей, что выражается в том числе в гарантиях при установлении срока трудового договора. В нашем понимании, это и есть солидарность, а

¹ С. А. Авакьян предлагает усилить конституционную ценность прав человека его обязанностями перед государством и обществом [2, с. 46].

² О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 2.

³ По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Подкова: Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 2022 г. № 32-П // Собр. законодательства Российской Федерации. 2022. № 30. Ст. 5692.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 29 янв. 2019 г. № 93-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 1540-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

потому странно, что Конституционный Суд не упомянул ее в решении. Вместе с тем в рамках рассматриваемого дела задача Конституционного Суда облегчалась тем, что сочетание частных и публичных интересов ограничивалось участием государства и индивида (государственных образовательных учреждений и преподавателей вузов), но не частного собственника – работодателя. Именно конфликты подобного рода требуют их рассмотрения в контексте солидарности.

Так или иначе, солидарность – это не только сочетание разнонаправленных целей, но и достижение общего результата. В то же время концепция солидарности не должна пониматься как воспроизведение социалистической теории. Суть солидарности состоит в том, что коллективизм, объединение, связь с группой, совместное участие не самоцель и не противопоставление индивидуальной свободе, а средство для ее реализации. Общее благо не только для всех, но и для каждого.

Солидарность – это не только взаимные ограничения и помощь отдельным лицам, а совместный труд. В этом смысле солидарность нужно ассоциировать не с компромиссом, а с сотрудничеством¹. Конечно, в ней есть место и взаимным ограничениям и социальной ответственности, но только в контексте достижения общей цели и в рамках реализации индивидуальной свободы. Другими словами, солидарность – это в первую очередь среда для развития позитивной свободы. Она, в свою очередь, означает не просто государственное вмешательство в социально-экономические процессы, а создание государством условий для свободного развития личности, возможности участия в общественном созидании, причастности к общему делу, что соответствует современной догме социального государства [46, с. 5–7]. Социальная справедливость не тождественна справедливому распределению материальных благ, а распределительная политика государства не означает, что такое государство является социальным. Необходимость социального распределения в современных условиях не отрицается, но эта политика должна строиться на принципах свободы и равноправия.

В то же время солидарность, реализуя обе концепции свободы, объединяет права всех видов, как бы мы их ни классифицировали – с точки зрения поколений, соотношения позитивной и негативной свободы, сферы реализации и по другим критериям, а не только социальные права, что отмечают, например,

К. В. Арановский, С. Д. Князев, Е. Б. Хохлов [5, с. 64]. Собственно, об этом говорит и статья 75.1 Конституции, в которой упоминается не только социальная солидарность, но и экономическая и политическая. К содержанию двух последних имелись и, наверное, остаются вопросы², но, считаем, Конституционный Суд некоторые опасения снял, разъяснив содержание солидарности в целом и ее отдельных видов в частности³. Так, политическая солидарность обеспечивается в том числе свободой мирных собраний, вероисповедания, совести и слова, то есть еще и личными правами. При этом солидарность предполагает не только гарантирование этих и других личных и политических прав, но и их реализацию без ущерба для прав и свобод других лиц, интересов общества и государства⁴. Фактически, Конституционный Суд, используя модель солидарности, очерчивает границы негативной свободы, о которых говорил И. Берлин. Другими словами, сотрудничество в рамках солидарности осуществляется в парадигме двух концепций свободы.

Отношение к конституционным социальным правам человека должно быть пересмотрено, исходя из современных представлений о сочетании негативной и позитивной свободы, социальном правовом государстве и солидарности. Связь и однородность прав первого и второго поколений представляется очевидной.

Конституционно признанная обязанность государства гарантировать гражданину определенный уровень социального обеспечения, медицинской помощи, оплаты труда обеспечивает его индивидуальную свободу во взаимоотношениях как с самим государством, так и с другими субъектами. Отсутствие в конституции, например, права на бесплатную медицинскую помощь, напротив, ставило бы ее предоставление гражданину в зависимость от взглядов на социальную политику действующей власти. Более того, государство и, что также возможно, ассоциированные с ним частные структуры могли бы использовать подобные права для обеспечения политической лояльности граждан⁵. В ситуации конституционного гарантирования трудовых и социальных прав гражданин более свободен в выборе как вариантов активного поведения, так и политических предпочтений.

Кроме того, права, обеспечивающие социальные нужды людей, по верному замечанию депутата Государственной Думы РФ А. М. Бабакова, – это инвестиции государства в производство путем обеспечения

¹ О сотрудничестве как основе солидарности говорит Б. С. Эбзеев [56, с. 992].

² П. А. Астафичев, положительно оценивая включение в ст. 75.1 Конституции нормы о социальной солидарности, обращает внимание на существующие, по его мнению, противоречия оговорки об «экономической» и «политической» солидарности ценностям рыночной экономики, целям «устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан». Автор опасается, что экономическая и политическая солидарность не поощряет конкуренцию, политический плюрализм и даже разделение властей [7, с. 10].

³ Информация Конституционного Суда РФ от 14.11.2023.

⁴ Информация Конституционного Суда РФ от 14.11.2023.

⁵ Ранее об этом говорил Аристотель [6, с. 458–459, 492, 498–499].

спроса¹, а значит, их смысл не сводится только к перераспределению материальных средств, а вытекает из целей общего социально-экономического развития.

В свою очередь, гражданские и (особенно) политические права сегодня не могут сводиться к ограничению вмешательства государства. Напротив, государство должно создать условия для полноценной реализации таких прав, обеспечить их защиту не только и не столько от себя, сколько от других лиц. Например, развитие информационных технологий обострило проблему обеспечения ряда конституционных прав, например, права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 23 Конституции), в контексте возможности использования незаконно полученной информации третьими лицами в противоправных целях.

Естественные права в современных условиях могут быть реализованы только в коллективе и при активном участии государства.

Свобода человека сегодня, в отличие от периода появления первых конституций скорее ассоциируется у граждан с финансовой возможностью позволить себе вариативность поведения, что, в свою очередь, напрямую связано с трудом, его оплатой, социальным обеспечением, жильем.

Свобода есть условие для того, чтобы человек смог самореализоваться, включиться в «общественную организацию труда»² и стать более свободным в позитивном смысле. Свобода не самоцель, а условие для достойной жизни, которая выражена в возможности реализации всех прав, а не только прав первого поколения. Если государство не сможет гарантировать хотя бы минимум социальных прав, то все права первого поколения окажутся пустыми.

Таким образом, в современной парадигме прав человека естественными права называются постольку, поскольку они естественным образом определяют взаимоотношения человека, общества и государства, то есть это права, естественные для сложившегося социального порядка.

Обращение к солидарности, повышение ее конституционно-правовой значимости обеспечивает единство правового и социального государства. Всё вместе это свидетельствует о том, что негативная и позитивная свобода не только не вступают в противоречие, но и взаимно дополняют друг друга. Что это значит в контексте прав человека? Любое право

человека есть конституционно-правовое выражение индивидуальной свободы, в которой всегда присутствует негативный (пассивный) и позитивный (активный) компоненты. Они формируются не только и не столько ограничением или возможностью (необходимостью) государственного участия (вмешательства). Более важно, что каждое из прав человека является проекцией негативной и позитивной свободы. Таким образом, мы не можем согласиться с позицией, что сегодня права первого поколения являются выражением исключительно негативной свободы, а права второго поколения — исключительно позитивной. Наверное, наиболее спорно предложенный нами тезис заключается в том, как права первого поколения связаны с позитивной свободой.

Подход Конституционного Суда в упомянутом выше аналитическом материале, представляется, не в полной мере отражает связь позитивной свободы и прав первого поколения, притом что сам факт включения этих прав в «тело» солидарности говорит о многом. Выражаясь более конкретно, подчеркнем, что Конституционный Суд, следуя классическому подходу, личные и некоторые политические права с позитивной свободой не связывает вовсе. В Информации Конституционного Суда от 14.11.2023 говорится либо о пределах вмешательства государства в процесс реализации отдельных прав, либо об установлении необходимых для нужд государства и общества ограничений осуществления этих прав. С одной стороны, Конституционный Суд указывает на то, что поддержанию политической солидарности «служит действительное участие граждан в осуществлении публичной власти». Политическая солидарность предполагает создание публичных механизмов, которые могли бы способствовать реализации личных и политических прав граждан. С другой стороны, когда речь заходит о конкретных личных и политических правах человека, то они оцениваются преимущественно с позиции возможности или невозможности их ограничения по тем или иным причинам. Например, свобода объединения, свобода совести и вероисповедания, свобода слова и право на распространение информации рассматриваются Конституционным Судом с позиции установления предела данных прав и свобод с целью «предотвратить ослабление начала солидарности до состояния, несовместимого с гражданским миром». В то же

¹ Выступление А. М. Бабакова на заседании Государственной Думы РФ, посвященном отчету Правительства РФ за 2023 г. URL: <https://spravedlivo.ru/14133510>.

² Французский социолог и философ считает, что устойчивость современного общества, социальный порядок даже в мировом масштабе возможны в форме социальной солидарности и благодаря общественному разделению труда. В процессе усложнения общественных отношений индивиды вынуждены вступать в коллективы, в рамках которых происходит разделение их функций, то есть труда. Органическая солидарность, противопоставляемая механической солидарности, в результате способствует к тому же развитию не только коллективных представлений, но и индивидуальных качеств, поскольку в условиях усложнения разделения труда «индивидуальные натуры, специализируясь, становятся сложнее и в силу этого отчасти избавлены от коллективного воздействия и от наследственных влияний, которые могут действовать только на простые и общие вещи». В сложно структурированном, поликоллективном обществе с развитой системой разделения труда человек более свободен, чем в традиционном обществе, с которым, казалось бы, человек менее связан [22, с. 130, 412, 413]. См. также работу В. Т. Жалкиева [23, с. 97].

время говорится о недопустимости ограничения указанных прав «на том лишь основании, что таковые не укладываются в общепринятые представления, не согласуются с устоявшимися традиционными взглядами и мнениями, вступают в противоречие с морально-нравственными либо религиозными предпочтениями». Представляется, такой ракурс связь прав первого поколения с позитивной свободой не отражает. Ранее уже было отмечено, что права «второго поколения», например связанные с трудом и его использованием, Конституционным Судом также рассматриваются в режиме «пределы вмешательства – ограничения реализации».

Считаем, что личные и политические права неразрывно связаны с категорией «достойная жизнь». Мнение о том, что достойная жизнь достигается не только социальной политикой государства, но и обеспечением личных, политических прав и свобод, распространено в юридической литературе. Личные права при этом призваны, по мнению авторов, обеспечить «личную защищенность человека как исходный критерий достойной жизни» [3, с. 32]. Считаем, что в такой интерпретации значимость личных прав в контексте достойной жизни преуменьшена. Нам импонирует точка зрения А. А. Джагаряна, который связывает категорию «достойная жизнь» с «реализацией потенциала человека как гражданина <...> в интересах общего блага», что непосредственно сопряжено с демократическими процессами и политической жизнью, с наполнением свободы позитивным смыслом [21, с. 4–5].

Другими словами, в парадигме позитивной свободы личные права – это гарантированные государством возможности самоопределения, самореализации человека, его возможность оказывать влияние на общество, а значит, нести ответственность за благополучие последнего. Именно поэтому личные права так же укладываются в концепцию солидарности, как и права социальные.

Заключение

Несмотря на серьезную критику, теория «поколений прав человека» по-прежнему остается востребованной в научной среде. В поддержку теории приводятся разные доводы. Некоторые из них, например, хронология появления (признания) прав, отнесение прав первого поколения к негативным правам, а права второго поколения – к позитивным, в целом современной наукой опровергнуты. Также, считаем, не вполне состоятельными выглядят аргументы, объясняющие отличия прав первого поколения от второго невозможностью судебной защиты последних. Практика Конституционного Суда и судов общей юрисдикции свидетельствует об обратном.

Конституционно-правовая концепция прав человека, основанная на поколениях, формируется под влиянием ряда категорий, главная из которых – это

свобода личности, а точнее, соотношение негативной и позитивной свободы, в конституционно-правовом измерении выраженное в категориях «правовое государство» и «социальное государство». Несмотря на то что в науке сформирована позиция о создании единого «социального правового государства», противоречия между указанными категориями остаются, и как следствие, права человека разделяются не просто на «поколения», а на «уровни». Личные и ряд политических прав – первичные, остальные – вторичные, призванные обеспечить реализацию первых. С представленной позицией согласиться сложно.

Солидарность, получившая конституционное закрепление, стала средой для объединения принципов правового и социального государства, для устранения противоречий между ними, для формирования целостной концепции «социального правового государства». Однако для эффективного воплощения идеи необходимо полноценное понимание солидарности. В решениях Конституционного Суда и его Информации 2023 года солидарность, как это ни странно, представлена преимущественно в формате негативной свободы, очерчивающей границы вмешательства государства в процесс осуществления прав и свобод, наполняющих содержание солидарности. Сказанное прежде всего касается личных и политических прав, но затрагивает и социально-экономические, особенно права работников и работодателей. Баланс прав и интересов контактирующих субъектов – важный, но не единственный и даже не главный элемент солидарности. Реализация прав и свобод в контексте позитивной свободы, сотрудничество, польза для всех и для каждого – это смысл солидарности. Права первого поколения – не исключение.

Развитие социального правового государства в направлении солидарности вместе с наделением последней статусом конституционно признанной ценности позволяет выявить ее сущностные черты в контексте формирования нового конституционного порядка. Б. С. Эбзеев справедливо указывает, что предметная область конституционного права и пределов вмешательства государства в жизнь общества расширяется до категории «социальный порядок», то есть не ограничивается лишь сферой правоотношений [54, с. 24]. Конституционализм и конституционное право могут рассматриваться как единственно возможная среда для соединения правовых и неправовых качественных и количественных характеристик солидарности.

Несмотря на то что Конституционный Суд стеснен правовыми характеристиками солидарности, в его решениях, наряду с традиционными конституционно-правовыми категориями (принципами, ценностями, правами и свободами, обязанностями и т. д.), используются понятия, которые с точки зрения права оценить достаточно сложно: социальная ответственность, взаимное доверие, сотрудничество, защита трудящегося от эксплуатации, гражданский

мир и др.¹ Именно такое мышление позволяет наполнить солидарность позитивным смыслом. Важно, чтобы указанный подход имел не только декларативное, но и прикладное значение, когда дело касается сути конкретных прав и свобод человека.

Сказанное подтверждает, что все права человека в той или иной степени способствуют реализации двух подходов к свободе, которые в рамках нашего понимания соединяются в концепции солидарности. Учитывая данный тезис, а также ранее высказанные нами и другими авторами суждения о несостоятельности иных критериев для разделения прав на поколения, полагаем, что данная классификация не отвечает современному представлению ни о свободе, ни о системе прав человека.

Становление новой конституционной концепции свободы и прав человека требует от самой Конституции и органов, интерпретирующих ее в процессе правоприменительной деятельности, более определенного подхода к формированию системы конституционных ценностей, в том числе конституционно-правового наполнения принципа солидарности, отражения его связи с социальным правовым государством. В Конституции, помимо выстраивания понятной системы конституционных ценностей, должна быть определена концепция взаимодействия личности, общества и государства, исключающая противопоставление принципов правового и социального государства и учитывающая соотношение публично-правовых и частноправовых компонентов в социально-экономической политике. Поправки 2020 года позитивно повлияли на конституционное развитие, но лишь наметили пути для решения указанных задач.

Библиографический список

1. *Абрамова М. О.* Трансформация прав человека в либеральных концепциях // Вестник Томского государственного университета. Философия, Социология. Политология. 2015. № 2 (30). С. 75–82.
2. *Авакьян С. А.* Глобализация, общие конституционные ценности и национальное регулирование // Социальные интересы. 2001. № 4. С. 44–47.
3. *Аверьянова Н. Н., Тюменева Н. В., Якушева С. Е.* Конституционно-правовое содержание категории «достойная жизнь человека» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 29–35.

4. *Александрова А. В.* Концептуальные основы французского пенсионного законодательства на первоначальном этапе его формирования (до конца XIX в.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 3(55). С. 5–14. DOI 10.21685/2072-3016-2020-3-1

5. *Арановский К. В., Князев С. Д., Хохлов Е. Б.* О правах человека и социальных правах // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4 (89). С. 61–91.

6. *Аристотель.* Соч.: в 4 т. / ред. и авт. вступ. ст. А. И. Доватур, Ф. Х. Кессиди; прим. В. В. Бибихина и др. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.

7. *Астафичев П. А.* Приоритеты развития конституционных социально-экономических прав человека и гражданина в СССР и современной России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 7–13. DOI 10.18572/1812-3767-2021-8-7-13

8. *Аубакирова И. У.* Трансформация парадигмы социального государства: теоретико-правовой аспект // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 6. С. 3–9.

9. *Бердяев Н.* Царство Духа и Царство Кесаря. Париж: YMCA-PRESS, 1951. 167 с.

10. *Берлин И.* Четыре эссе о свободе / пер. с англ. Сима Векслер. London: Overseas publ. interchange, 1992. 394 с.

11. *Богданов Е. В.* Идеи индивидуализма, коллективизма, капитализма в современном гражданском праве России // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 80–97. DOI 10.12737/jrl.2021.150

12. *Бондарь Н.* Конституционный императив социальных прав (О практике Конституционного Суда Российской Федерации по социальной защите граждан) // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 2 (39). С. 216–225.

13. *Бурданова А. С.* Конституционные социальные права в странах Европейского союза. Теоретические положения и проблемы реализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. № 3 (21). С. 329–339. DOI 10.18500/1994-2540-2021-21-3-329-339

14. *Вахрамеева Л. Н.* Естественно-правовая теория как источник современной российской концепции прав и свобод человека // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 1(15). С. 98–102.

15. *Варламова Н. В.* Социальные права: юридико-догматическая интерпретация в практике органов конституционного контроля // Правоведение.

¹ См., например: По делу о проверке конституционности части 3 статьи 19, частей 1 и 2 статьи 57, части 1 статьи 59, части 1 статьи 60 и части 1 статьи 63 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. А. Александровой: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 апр. 2024 г. № 20-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 18. Ст. 2514; По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 4 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», части 2 статьи 64 и части 1 статьи 328 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой А. С. Карпунина: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 апр. 2025 г. № 18-П // Там же. 2025. № 19. Ст. 2375; По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и пункта 5 статьи 19 Закона Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 дек. 2012 г. № 30-П // Там же. 2012. № 51. Ст. 7324.

2024. Т. 68, № 4. С. 551–574. DOI 10.21638/spbu25.2024.405

16. *Варламова Н. В.* Классификация прав человека: подходы к проблеме // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 4(71). С. 152–166.

17. *Варламова Н. В.* Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14, № 4. С. 9–46. DOI 10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova

18. *Варламова Н. В.* Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024. 817 с.

19. *Гаджиев Г. А.* Цели, задачи и предназначение Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 1. С. 10–17.

20. *Гофман А. Б.* Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования: сб. науч. тр. / Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд.-ние социологии и социал. психологии; отв. ред. Д. В. Ефременко. М.: Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН, 2014. С. 97–167.

21. *Джагарян А. А.* Достойная жизнь в идеологии российского конституционного строя // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 3. С. 4–9. DOI 10.18572/1812-3767-2025-3-4-9

22. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана, примечания В. В. Сапова. М.: Канон, 1996. 432 с.

23. *Жалкиев В. Т.* Категориализация социальной солидарности в концепции Э. Дюркгейма // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 4. С. 97–100.

24. *Зимаков А. В.* Пенсионная система ФРГ: эволюция или революция? // Современная Европа. 2016. № 4 (70). С. 94–103.

25. *Зорькин В. Д.* Современный мир, право и Конституция. М.: Норма, 2010. 544 с.

26. *Кабышев В. Т.* С Конституцией по жизни: Избранные научные труды. М.: Формула права, 2013. 320 с.

27. *Карпович О. Г., Смагина Л. А.* Основные факторы идеологического противостояния или «война идей» // Международное публичное и частное право. 2022. № 4. С. 2–3. DOI 10.18572/1812-3910-2022-4-2-3

28. *Колюшин Е. И.* Ценности правды в государственном (конституционном) праве России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 8–14. DOI 10.18572/1812-3767-2023-2-8-14

29. Конституция Российской Федерации: Пробл. коммент. / Центр конституц. исслед. Моск. обществ. науч. фонда; А. С. Автономов и др.; рук. авт. коллектива и отв. ред. В. А. Четвернин. М.: Центр конституц. исслед. Моск. обществ. науч. фонда, 1997. 702 с.

30. *Люббе-Вольфф Г.* Принцип социального государства в практике Федерального конституционного суда Германии // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1 (62). С. 67–76.

31. *Мамут Л. С.* Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. URL: <https://libertarium.ru/1958>.

32. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии / пер. под ред. Ф. Энгельса. 8-е изд. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. 784 с.

33. *Мачульская Е. Е.* Модификация принципов трудового права в свете изменений Конституции Российской Федерации // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 2. С. 3–7. DOI 10.18572/2221-3295-2021-2-3-710

34. *Морозов А. П.* Личная неприкосновенность в Российской Федерации: конституционный аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 4 (99). С. 136–141.

35. *Муртузалиева М. А.* Социальное и правовое государство // Modern Science. 2021. № 1-1. С. 173–176.

36. *Невинский В. В.* Естественные права человека на весах современного конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 8. С. 28–33.

37. *Опалева А. А.* Права и свободы личности в контексте конституционных изменений // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 199–202. DOI 10.24412/2073-0454-2022-3-199-202

38. *Петрова Л. В.* О естественном и позитивном праве (критические заметки по поводу учебника С. С. Алексеева) // Государство и право. 1995. № 2. С. 32–41.

39. Права человека и правовое социальное государство в России / отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: Норма: Инфра-М, 2011. 399 с.

40. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под ред. В. С. Нерсисянца. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2004. 832 с.

41. *Пферсманн О.* Значение социальных принципов в сравнительном конституционном праве // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2003. № 1 (42). С. 45–51.

42. *Ролз Дж.* Идея блага и приоритет права // Современный либерализм: Дж. Ролз, Р. Дворкин, И. Берлин, У. Кимлика, М. Дж. Сэндел, Дж. Уолдрон, Ч. Тейлор М.: Дом интеллектуальной книги: Прогресс-Традиция, 1998. С. 6–108.

43. *Соловьев А. И.* Либерализм: проблемы теоретического и идеологического измерений // Научный эксперт. 2010. № 5. С. 9–39.

44. *Тепляшин И. В., Нор К. Е.* К вопросу о соотношении правового и социального государства // Философия права. 2022. № 1(100). С. 100–105.

45. *Титова Е. В.* К вопросу о конституционно-правовой концепции взаимодействия государства и человека // Lex russica. 2018. № 11. С. 69–82.

46. *Умнова-Конюхова И. А.* Конституционные основы российского социального права: состояние и

перспективы формирования // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 10. С. 3–10.

47. Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.

48. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва Catallaxy, 1992. 304 с.

49. Чернова Э. Р. Проблемы соотношения правового и социального государства // E-Scio. 2021. № 8 (59). С. 281–285.

50. Чиркин В. Е. Конституционные принципы социального государства и человек // Гражданин и право. 2014. № 6. С. 3–14.

51. Чиркин В. Е. Социальная эволюция конституционного права частной собственности // Государство и право. 2014. № 12. С. 14–22.

52. Чиркин В. Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. 2002. № 2. С. 5–13.

53. Шабуров А. С. «Правовое» и «социальное» в характеристике социального правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 3 (41). С. 6–11.

54. Эбзеев Б. С. Актуальные проблемы реализации Конституции России 1993 года // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1 (120). С. 20–27.

55. Эбзеев Б. С. Введение в Конституцию России: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 560 с.

56. Эбзеев Б. С. Государство и личность в России: социальная солидарность как парадигма отечественного конституционализма // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 6 (43). С. 986–999.

57. Carter I. Positive and Negative Liberty // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2022 Edition) / ed. Edward N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2022/entries/liberty-positive-negative/>

58. Davies W. Neoliberalism: A Bibliographic review // Theory, Culture & Society. 2014. Issue 7–8 (31). Pp. 309–317.

59. Galeotti E. Toleration as Recognition. Port Chester (USA): Cambridge University Press, 2002. 264 p.

60. Gane N. The emergence of neoliberalism: Thinking through and beyond Michel Foucault's lectures on biopolitics // Theory, Culture, and Society. 2014. Issue 4 (31). Pp. 3–27.

61. Macklem P. Human Rights in International Law: Three Generations or One? // SSRN Electronic Journal. 2014. Pp. 1–46. DOI 10.2139/SSRN.2573153

62. Taylor C. What's Wrong With Negative Liberty // Philosophy and the Human Sciences: Philosophical Papers. 1985. Issue 2. URL: <https://txteio.tumblr.com/post/146654901475/taylor-negative-liberty>

63. Vasak K. Human Rights: A 30-Year Struggle: The Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier. 1977. Issue 11. Pp. 28–29, 32.

References

1. Abramova M. O. Transformatsiya prav cheloveka v liberal'nykh kontseptsyakh [The Transformation of Concept of Human Rights in Liberal Theories]. *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya, Sotsiologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2015. Issue 2(30). Pp. 75–82. (In Russ.)

2. Avak'jan S. A. Globalizatsiya, obshchie konstitutsionnye tsennosti i natsionalnoe regulirovanie [Globalization, Common Constitutional Values and National Regulation]. *Sotsialnye interesy – Social Interests*. 2001. Issue 4. Pp. 44–47. (In Russ.)

3. Aver'janova N. N., Tyumeneva N. V., Yakusheva S. E. Konstitutsionno-pravovoe soderzhanie kategorii «dostoinaya zhizn' cheloveka» [Constitutional and legal content of the category “decent human life”]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* – Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. Issue 3 (97). Pp. 29–35. (In Russ.)

4. Aleksandrova A. V. Kontseptualnye osnovy frantsuzskogo pensionnogo zakonodatel'stva na pervonachalnom etape ego formirovaniya (do kontsa XIX v.) [Conceptual Foundations of the French Pension Legislation at the Initial Stage of Its Formation (Until the End of the 19th Century)]. *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2020. Issue 3(55). Pp. 5–14. DOI 10.21685/2072-3016-2020-3-1 (In Russ.)

5. Aranovskiy K. V., Knyazev S. D., Khokhlov E. B. O pravakh cheloveka i sotsial'nykh pravakh [On Human Rights and Social Rights]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 2012. Issue 4(89). Pp. 61–91. (In Russ.)

6. Aristotle. *Sochineniya* [Works]. Vol. 4. Moscow, 1983. 830 p. (In Russ.)

7. Astafichev P. A. Prioritety razvitiya konstitutsionnykh sotsial'no-ekonomicheskikh prav cheloveka i grazhdanina v SSSR i sovremennoy Rossii [Priorities of the Development of Human and Civil Constitutional Socioeconomic Rights in the USSR and Modern Russia]. *Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo* – Constitutional and Municipal Law. 2021. Issue 8. Pp. 7–13. DOI 10.18572/1812-3767-2021-8-7-13 (In Russ.)

8. Aubakirova I. U. Transformatsiya paradigmy sotsial'nogo gosudarstva: teoretiko-pravovoy aspekt [Transformation of Paradigm of the Social State: Theoretical-Law Aspect]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* – State Power and Local Self-Government. 2014. Issue 6. Pp. 3–9. (In Russ.)

9. Berdyaev N. *Tsarstvo Dukha i Tsarstvo Kesarya* [The Realm of Spirit and the Realm of Caesar]. Paris, 1951. 167 p. (In Russ.)

10. Berlin I. *Chetyre esse o svobode* [Four essays on Liberty]. London, 1992. 394 p. (In Russ.)

11. Bogdanov E. V. Idei individualizma, kolektivizma, kapitalizma v sovremenном grazhdanskom prave Rossii [Individualism, Collectivism and Capitalism within the Framework of Modern Civil Law of Russia].

Journal of Russian Law. 2021. Issue 12. Pp. 80–97. DOI 10.12737/jrl.2021.150 (In Russ.)

12. Bondar N. Konstitutsionnyy imperativ sotsial'nykh prav (O praktike Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii po sotsial'noy zashchite grazhdan) [Constitutional Imperative of Social Rights (On the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation on Social Protection of Citizens)]. *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeyskoe obozrenie* – Constitutional Law: East European Review. 2002. Issue 2(39). Pp. 216–225. (In Russ.)

13. Burdanova A. S. Konstitutsionnye sotsial'nye prava v stranakh Evropeyskogo soyuza. Teoreticheskie polozheniya i problemy realizatsii [Constitutional social rights in the countries of the European Union. Theoretical provisions and problems of implementation]. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series Economics. Management. Law*. 2021. Vol. 21, Issue. 3. Pp. 329–339. DOI 10.18500/1994-2540-2021-21-3-329-339 (In Russ.)

14. Vakhrameeva L. N. Estestvenno-pravovaya teoriya kak istochnik sovremennoy rossiyskoy kontseptsii prav i svobod cheloveka [Natural-Law Theory as a Source of the Modern Russian Concept of the Rights and Freedoms of a Person]. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii* – Bulletin of Omsk Law Academy. 2018. Issue 1(15). Pp. 98–102. (In Russ.)

15. Varlamova N. V. Sotsial'nye prava: yuridiko-dogmaticheskaya interpretatsiya v praktike organov konstitutsionnogo kontrolya [Social Rights: Legal-dogmatic Interpretation by the Constitutional Review Bodies]. *Pravovedenie*. 2024. Issue 4 (68). Pp. 551–574. DOI 10.21638/spbu25.2024.405 (In Russ.)

16. Varlamova N. V. Klassifikatsiya prav cheloveka: podkhody k probleme [Classification of Human Rights: Approaches to the Problem]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* – Comparative Constitutional Review. 2009. Issue 4(71). Pp. 152–166. (In Russ.)

17. Varlamova N. V. Tsifrovye prava – novoe pokolenie prav cheloveka? [Digital Rights – New Generation of Human Rights?]. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2019. Issue 4(19). Pp. 9–46. DOI 10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova (In Russ.)

18. Varlamova N. V. *Prava cheloveka: teoreticheskoe obosnovanie i yuridiko-dogmaticheskaya konkretizatsiya* [Human Rights: Theoretical Justification and Legal-Dogmatic Specification]. Dr. jurid. sci. diss. Moscow, 2024. 817 p. (In Russ.)

19. Gadzhiev G. A. Tseli, zadachi i prednaznacheniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [Aims, tasks and purpose of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudija* – Journal of Constitutional Justice. 2008. Issue 1. Pp. 10–17. (In Russ.)

20. Gofman A. B. Solidarnost' ili pravila, Dyurkgeym ili Khayek? O dvukh formakh sotsial'noy integratsii [Solidarity or Rules, Durkheim or Hayek? On Two Forms of Social Integration]. *Sotsial'naya solidarnost' i*

al'truizm: Sotsiologicheskaya traditsiya i sovremennye mezhdistsiplinarnye issledovaniya [Social Solidarity and Altruism: Sociological Tradition and Modern Interdisciplinary Research]. A collection of scientific works. Center for Social Scientific and Informational Research. Department of Sociology and Social Psychology. Ed. by D. V. Efremenko. Moscow, 2014. Pp. 97–167. (In Russ.)

21. Dzhangaryan A. A. Dostoinaya zhizn' v ideologii rossiyskogo konstitutsionnogo stroya [Decent Life in the Ideology of the Russian Constitutional System]. *Constitutional and Municipal Law*. 2025. Issue 3. Pp. 4–9. DOI 10.18572/1812-3767-2025-3-4-9 (In Russ.)

22. Durkheim E. *The Division of Labor in Society*. Transl. from French. Moscow, 1996. 432 p. (In Russ.)

23. Zhalkiev V. T. Kategorializatsiya sotsial'noy solidarnosti v kontseptsii E. Dyurkgeyma [Categorization of Social Solidarity in the Concept of E. Durkheim]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* – Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA. 2010. Issue 4. Pp. 97–100. (In Russ.)

24. Zimakov A. V. Pensionnaya sistema FRG: evolyutsiya ili revolyutsiya? [The German Pension System: Evolution or Revolution?]. *Sovremennaya Evropa* – Contemporary Europe. 2016. Issue 4(70). Pp. 94–103. (In Russ.)

25. Zor'kin V. D. *Sovremennyy mir, pravo i Konstitutsiya* [The modern world, law, and the Constitution]. Moscow, 2010. 544 p. (In Russ.)

26. Kabyshev V. T. *S Konstitutsiei po zhizni* [With the Constitution Through Life: Selected scientific works]. Moscow, 2013. 320 p. (In Russ.)

27. Karpovich O. G., Smagina L. A. *Osnovnye faktory ideologicheskogo protivostoyaniya ili «voyna idey»* [The Main Factors of Ideological Confrontation or the "War of Ideas"]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* – Public International and Private International Law. 2022. Issue 4. Pp. 2–3. DOI 10.18572/1812-3910-2022-4-2-3. (In Russ.)

28. Kolyushin E. I. *Tsennosti pravdy v gosudarstvennom (konstitutsionnom) prave Rossii* [Values of Truth in Russian State (Constitutional) Law]. *Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo* – Constitutional and Municipal Law. 2023. Issue 2. Pp. 8–14. DOI 10.18572/1812-3767-2023-2-8-14 (In Russ.)

29. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: Probl. komment.* [Constitution of the Russian Federation: Probl. Comm.]. Ed. by V. A. Chetvernin. Moscow, 1997. 702 p. (In Russ.)

30. Lübke-Wolff G. Printsip sotsialnogo gosudarstva v praktike Federalnogo konstitutsionnogo suda Germanii [The Principle of the Social State in the Practice of the German Federal Constitutional Court]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* – Comparative Constitutional Review. 2008. Issue 1 (62). Pp. 67–76. (In Russ.)

31. Mamut L. S. Sotsial'noe gosudarstvo s tochki zreniya prava [The social state from a legal perspective]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2001. Issue 7. Available at: <https://libertarium.ru/1958> (In Russ.)

32. Marks K. *Capital: A Critique of Political Economy*. Translated. Vol. 8. Moscow, 1936. 784 p. (In Russ.)

33. Machulskaya E. E. Modifikatsiya printsipov trudovogo prava v svete izmeneniy Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [Modification of Labor Law Principles in View of the Amendments to the Constitution of the Russian Federation]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom* – Labor Law in Russia and Abroad. 2021. Issue 2. Pp. 3–7. DOI 10.18572/2221-3295-2021-2-3-710 (In Russ.)
34. Morozov A. P. Lichnaya neprikosновенность v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionnyy aspekt [Personal Inviolability in the Russian Federation: Constitutional Aspect]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* – Bulletin of Saratov State Law Academy. 2014. Issue 4(99). Pp. 136–141. (In Russ.)
35. Murtuzalieva M. A. Sotsial'noe i pravovoe gosudarstvo [Social and Rule of Law State]. *Modern Science*. 2021. Issue 1-1. Pp. 173–176. (In Russ.)
36. Nevinskiy V. V. Estestvennye prava cheloveka na vesakh sovremennogo konstitutsionalizma [Natural Human Rights on the Scales of Modern Constitutionalism]. *Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo* – Constitutional and Municipal Law. 2016. Issue 8. Pp. 28–33. (In Russ.)
37. Opaleva A. A. Prava i svobody lichnosti v kontekste konstitutsionnykh izmeneniy [Individual rights and freedoms in the context of constitutional changes]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* – Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Issue 3. Pp. 199–202. DOI 10.24412/2073-0454-2022-3-199-202 (In Russ.)
38. Petrova L. V. *O estestvennom i pozitivnom prave* (kriticheskie zametki po povodu uchebnika S. S. Alekseeva) [On Natural and Positive Law (Critical Notes on the Textbook by S. S. Alekseev)]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 1995. Issue 2. Pp. 32–41. (In Russ.)
39. *Prava cheloveka i pravovoe sotsial'noe gosudarstvo v Rossii* [Human Rights and the Rule of Law Social State in Russia]. Ed. by E. A. Lukasheva. Moscow, 2011. 399 p. (In Russ.)
40. *Problemy obshchey teorii prava i gosudarstva* [Problems of the General Theory of Law and State]. Ed. by V. S. Nersisyan. Moscow, 2004. 832 p. (In Russ.)
41. Pfersmann O. Znachenie sotsial'nykh printsipov v sravnitel'nom konstitutsionnom prave [The Significance of Social Principles in Comparative Constitutional Law]. *Konstitutsionnoe pravo: Vostochnoevropeyskoe obozrenie* – Constitutional Law: East European Review. 2003. Issue 1(42). Pp. 45–51. (In Russ.)
42. Rawls J. The Priority of Right and Ideas of Good. *Sovremennyy liberalizm: Dzh. Rolz, R. Dvorkin, I. Berlin, U. Kimlika, M. Dzh. Sendel, Dzh. Uoldron, Ch. Teilor* [Modern Liberalism: J. Rawls, R. Dworkin, I. Berlin, W. Kymlicka, M. J. Sandel, J. Waldron, Ch. Taylor]. Moscow, 1998. Pp. 6–108. (In Russ.)
43. Solov'yev A. I. Liberalizm: problemy teoreticheskogo i ideologicheskogo izmereniy [Liberalism: problems of theoretical and ideological dimensions]. *Nauchnyi ekspert* – Scientific Expert. 2010. Issue 5. Pp. 9–39. (In Russ.)
44. Teplyashin I. V., Nor K. E. K voprosu o sootnoshenii pravovogo i sotsial'nogo gosudarstva [On the question of the relationship between the legal and social state]. *Filosofiya prava* – Philosophy of Law. 2022. Issue 1(100). Pp. 100–105. (In Russ.)
45. Titova E. V. K voprosu o konstitutsionno-pravovoy kontseptsii vzaimodeystviya gosudarstva i cheloveka [The Constitutional Law Concept of Interaction Between the State and an Individual]. *Lex Russica*. 2018. Issue 11. Pp. 69–82. (In Russ.)
46. Umnova-Konyukhova I. A. Konstitutsionnye osnovy rossiyskogo sotsial'nogo prava: sostoyanie i perspektivy formirovaniya [Constitutional Fundamentals of Russian Social Law: The Status and Establishment Prospects]. *Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo* – Constitutional and Municipal Law. 2022. Issue 10. Pp. 3–10. (In Russ.)
47. Hayek F. A. *Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda: sovremennoe ponimanie liberal'nykh printsipov spravedlivosti i politiki* [Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy]. Transl. by B. Pinsker and A. Kustarev. Moscow, 2006. 644 p. (In Russ.)
48. Hayek F. A. *The Fatal Conceit. The Errors of Socialism*. Translated. Moscow, 1992. 304 p. (In Russ.)
49. Chernova E. R. *Problemy sootnosheniya pravovogo i sotsial'nogo gosudarstva* [Problems of the Relationship Between the Rule of Law and Social State]. *E-Scio*. 2021. Issue 8(59). Pp. 281–285. (In Russ.)
50. Chirkin V. E. Konstitutsionnye printsipy sotsial'nogo gosudarstva i cheloveka [Constitutional Principles of the Social State and Man]. *Grazhdanin i pravo* – Citizen and Law. 2014. Issue 6. Pp. 3–14. (In Russ.)
51. Chirkin V. E. Sotsial'naya evolyutsiya konstitutsionnogo prava chastnoy sobstvennosti [Social Evolution of the Constitutional Right of Private Property]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2014. Issue 12. Pp. 14–22. (In Russ.)
52. Chirkin V. E. *Obshchechelovecheskie tsennosti i sovremennoe gosudarstvo* [Universal Human Values and the Modern State]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2002. Issue 2. Pp. 5–13. (In Russ.)
53. Shaburov A. S. «Pravovoe» i «sotsial'noe» v kharakteristike sotsial'nogo pravovogo gosudarstva [“Rule-of-Law” and “Social” in the Description of the Social Rule-of-Law State]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* – The Rule of Law State: Theory and Practice. 2015. Issue 3(41). Pp. 6–11. (In Russ.)
54. Ebzeev B. S. Aktualnye problemy realizatsii Konstitutsii Rossii 1993 goda [Current Problems of The Implementation of the 1993 Constitution of Russia]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* – Bulletin of Saratov State Law Academy. 2018. Issue 1(120). Pp. 20–27. (In Russ.)
55. Ebzeev B. S. *Vvedenie v Konstitutsiyu Rossii* [Introduction to the Constitution of Russia]. Moscow, 2019. 560 p. (In Russ.)
56. Ebzeev B. S. Gosudarstvo i lichnost' v Rossii: sotsial'naya solidarnost' kak paradigma otechestvennogo

konstitutsionalizma [State and Individual in Russia: Social Solidarity as a Paradigm of Domestic Constitutionalism]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya* – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2013. Issue 6(43). Pp. 986–999. (In Russ.)

57. Carter I. Positive and Negative Liberty. *Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2022 Edition). Ed. by Edward N. Zalta. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2022/entries/liberty-positive-negative/> (In Eng.)

58. Davies W. Neoliberalism: A Bibliographic review. *Theory, Culture & Society*. 2014. Issue 7–8(31). Pp. 309–317. (In Eng.)

59. Galeotti E. *Toleration as Recognition*. Port Chester (USA): Cambridge University Press, 2002. 264 p. (In Eng.)

Информация об авторе:

М. С. Сагандыков

Кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой теории государства и права,
трудового права

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
454080, Россия, г. Челябинск, просп. Ленина, 76

ORCID: 0000-0002-5510-817X
ResearcherID: N-6240-2017

Статьи в БД Scopus / Web of Science:
DOI 10.52028/rbadr.v7.i13.ART06.URA
DOI 10.14529/hsm25s117
DOI 10.17223/22253513/52/12
DOI 10.21638/spbu14.2023.102
DOI 10.21684/2412-2343-2023-10-1-126-146
DOI 10.14529/hsm23s121
DOI 10.31857/S102694520019306-7
DOI 10.17223/22253513/41/16
DOI 10.14529/hsm21s220
DOI 10.14529/hsm19s216
DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(6).836-844
DOI 10.17072/1995-4190-2015-2-98-105

60. Gane N. The emergence of neoliberalism: Thinking through and beyond Michel Foucault's lectures on biopolitics. *Theory, Culture, and Society*. 2014. Issue 4(31). Pp. 3–27. (In Eng.)

61. Macklem P. Human Rights in International Law: Three Generations or One? *SSRN Electronic Journal*. 2014. Pp. 1–46. Available at: <https://doi.org/10.2139/SSRN.2573153> (In Eng.)

62. Taylor C. What's Wrong With Negative Liberty. *Philosophy and the Human Sciences: Philosophical Papers*. 1985. Issue 2. Available at: <https://txteio.tumblr.com/post/146654901475/taylor-negative-liberty> (In Eng.)

63. Vasak K. Human Rights: A 30-Year Struggle: The Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights. *UNESCO Courier*. 1977. Issue 11. Pp. 28–29, 32. (In Eng.)

About the author:

M. S. Sagandykov

South Ural State University
76, prospekt Lenina, Chelyabinsk, 454080, Russia

ORCID: 0000-0002-5510-817X
ResearcherID: N-6240-2017

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI 10.52028/rbadr.v7.i13.ART06.URA
DOI 10.14529/hsm25s117
DOI 10.17223/22253513/52/12
DOI 10.21638/spbu14.2023.102
DOI 10.21684/2412-2343-2023-10-1-126-146
DOI 10.14529/hsm23s121
DOI 10.31857/S102694520019306-7
DOI 10.17223/22253513/41/16
DOI 10.14529/hsm21s220
DOI 10.14529/hsm19s216
DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(6).836-844
DOI 10.17072/1995-4190-2015-2-98-105